

Русская литература переживает сегодня нелегкие времена: ей не дают дышать завалы примитивных детективов, фэнтези и всякого рода криво ухмыляющегося постмодерна. Пытаясь спастись, она инстинктивно тянется к подлинному слову, существующему вне уродливых фантазий так называемых «творцов». И взгляд вдумчивого читателя все чаще ищет книги ЖЗЛовского толка, главное достоинство которых — документальная основа, правда жизни, не вымысел, а смысл. К таким книгам относится и повесть Виктора Силина «Яковлевы. Семейные хроники». О чем она? О жизни одной русской семьи, рода Яковлевых, прослеженной в течение полутора веков.

Началом этой книги мог бы стать разговор двух добрых знакомых, известных в Воронеже людей, архитектора и журналиста. Архитектор, предложив журналисту написать о своих родовых корнях, упомянул, будто бы вскользь, что к его роду принадлежит и Людмила Петрушевская. Журналист засомневался — и тут же получил документальное подтверждение, можно сказать, из первых рук. Разговор такой действительно состоялся, и если бы журналиста заинтересовало лишь звучное литературное имя, то, наверное, с него он и начал бы свое повествование — так сказать, для заправки. Но тогда это была бы другая книга. А эта — думаю, вовсе не случайно — начинается с войны...

1944 год. Херсонская область. В сельской глуши в бедной чужой избе умирает старая женщина — Валентина Петровна Яковлева. Рядом с ней дочери Валентина, Анна, Мария и внучка Оля. Валентина Петровна говорит, что Воронеж она больше уже не увидит. И дает близким наказ: «А вы возвращайтесь домой... Обязательно возвращайтесь...»

Об этих людях мы, читатели, пока ничего не знаем. И чтобы рассказать о них, автор уводит повествование назад, в июль 1942 года. Гитлеровцы захватили правобережье Воронежа. «Новый порядок» для семьи Яковлевых начинается с того, что пятеро явившихся в их дом оккупантов надругались над дочерью Валентины Петровны Марией. А потом комендатура расклеила приказ: жители в 15-дневный срок должны покинуть город. Все! И начался исход: Орловка, Холл, Касторное, далее на товарняках — в Курск. Ушли Яковлевы из дома в чем были. Из всегожитого добра — только молодая козочка Крошка. Впереди — долги скитания по оккупированной врагом территории. Голод, холод, унижения. Но Яковлевы выжили, дождались своих...

...И пока три дочери и внучка идущей небесными дорогами усопшей возвращаются в разрушенный войной Воронеж, автор рассказывает нам о ней самой. Валентина Яхонтова родилась в городе Краснослободске Пензенской губернии, рано осталась без матери, умершей от чахотки. Учительство-

вала, и замуж вышла за учителя, Александра Васильевича Яковлева. В Краснослободские родились восемь детей, в 1898 году семья переехала в Воронеж, где появилась на свет самая младшая — Мария. Муж вскоре умер — от той же чахотки, и пришлось Валентине Петровне жизнь свою резко поменять — «пойти приказчицей торговать вином в лавке». Замуж больше не вышла, хотя возможность такая была. Свершила свой обычный материнский подвиг: удержала, убергла от нищеты, подняла семью. И вот...

...И вот они, три ее дочери и внучка, ведя на веревочке козу, пришли в Воронеж, где их ждало поистине чудо: город лежал в руинах, а их дом на горе, на Правой Суконовке уцелел...

Герой следующей главы, еще более усилившей драматически-оптимистическую тональность книги, — сын Валентины Петровны Саша, Александр Яковлев. «Мальчик из добропорядочной семьи, дворянского рода-племени, сын надворного советника», ставший революционером. Причем революционером не «мирным», а — самых крайних взглядов: эсер, член боевой организации, участник революции 1905 года и покушения на одного из «усмирителей», командира отдельного карательного отряда полковника Н.К. Мина. Такой вот кажущийся на первый взгляд нелогичным «выверт» благополучной судьбы. Как такое могло случиться?

В. Силен, пытаясь ответить на этот вопрос, приходит к такому объяснению: «Во все времена рождались люди с обостренным (нормальным!) чувством справедливости. И во все века эти люди становились на путь неповиновения, борьбы с несправедливостью в обществе». Этот восклицательный знак в скобках дорогого стоит, но ответ явно неполон: ведь если есть несправедливость в обществе, то хотелось бы знать, в чем она выражается, верно?

К счастью, это понимает и сам автор. И как дотошный исследователь-историк (вот как пишутся в России семейные хроники) окунается в грозовую атмосферу тех переломных лет. Добытые при этом исторические свидетельства рисуют картину нерадостную: мы видим, что недовольство населения в наших черноземных местах не раз выливалось в череду стихийных волнений, «беспорядков». Так, в декабре 1905 года в Богучар-

ском уезде — налет на усадьбу землевладельца Степанова, поджог конторы в усадьбе Юсуповой, выступления крестьян в селах Шумилино, Дроново и других.

Неужели — просто так, ни с чего, на голом месте? Автор приходит к иному выводу: «Причина же всех этих нескончаемых народных волнений — жуткая несправедливость, царящая (почему-то думается, что слово «царящая» происходит от слова «царь») в российском обществе». Свои суждения, помимо прочего, он подкрепляет таким вот интересным аргументом из времен нынешних, постсоветских: «Мне как-то с огромным трудом удалось в Воронежском областном краеведческом музее добиться разрешения взглянуть на снимки, на которых запечатлены сцены крестьянской жизни Воронежской губернии начала прошлого века... На них представлена такая нищенская и убогая жизнь, что даже сейчас, по прошествии нескольких лет, вспоминаю запечатленное, и у меня по коже мороз пробегает».

Кто-то, конечно, скажет, что это не аргумент, а всего лишь субъективное восприятие, которому нельзя доверяться. Ну, не знаю, не знаю... Вон Солженицын, которого околывластное литературоведение числит теперь по разряду великих русских писателей, свой эпохальный «Архипелаг ГУЛАГ» возвел исключительно из таких вот кирпичиков «субъективного восприятия». И ничего: цитируют как новое Евангелие. А если говорить серьезно, то я благодарен автору рецензируемой повести именно за эту его личную «неотстраненность» от исторических событий и судеб своих героев. Русского литератора без таких «чужачеств» не бывает. Его личность, взгляд на случившееся (и не суть важно, идет речь о документальном или художественном произведении), его страдание и негодование, его прозрения и (да-да!) заблуждения — это именно то, что, собственно, и делает «предмет» литературы жизнью...

Жизнь Александра Яковлева — готовый сценарий для фильма о некоем супергерое, своего рода русском Рэмбо: нежный гимназист, удивлявший задатками многих дарований, счастливый первокурсник историко-филологического факультета Московского университета, и вдруг — террорист, государственный преступник. И — на долгие

годы: Петропавловская крепость, Шлиссельбургская крепость, Нерчинская каторга. В 1912 году, после освобождения из Горно-Зерентуйской тюрьмы на поселение — побег. Шанхай, Индийский океан, Средиземное море, Париж. А с августа 1914 года государственный преступник Яковлев, решив, что во время войны можно защищать свое Отечество и вдали от него, вместо прогулок по Елисейским полям становится вольонтером 2-го иностранного легиона. Сражался храбро, был ранен. И — в 31 год — гибель в страшных боях под Верденом...

В. Силин, отдавая должное необычной биографии и силе духа своего героя, умеет удержать нас от сочувствия его революционному «ремеслу»: «Терроризм, безусловно, не подлежит никакому оправданию. И ни с какой точки зрения: ни с позиции морали, ни с судебно-правовой». Но и не бросает героя наедине с этим горьким, тяжким приговором, пытается разобраться, почему обстоятельства сложились именно так, а не иначе. Кажется, ему это удается.

Второй по старшинству из братьев Яковлевых, Валентин, в последнем классе гимназии заболел все той же, ставшей злым рок-ом семьи Яковлевых, болезнью — туберкулезом. Мать выхлопотала ему казенную стипендию на лечение в Крыму. В Ялте Валентин прожил более двух лет, общался со многими лечившимися там от такого же недуга столичными литераторами, начал рисовать. В 1906 году, после улучшения состояния здоровья — Москва, училище живописи, ваяния и зодчества. Валентин Александрович стал заметным художником, совместно со своим другом Иваном Захаровым основал общество художников «Московский салон», отстаивал идею преемственности эстетических традиций. Написал, приехав в Воронеж, портрет семьи — свою выпускную работу. Эту картину приобрел известный коллекционер А.А. Коровин, а затем через Русский музей она оказалась в Омске, в музее изобразительных искусств. В 1918 году в связи с обострением туберкулеза Валентин Яковлев отправился на Алтай, лечился там кумысом. Поправившись, летом 1919 года он переезжает в Омск, много работает. Но пережил своего старшего брата Валентин ненадолго: уже в декабре, заразившись тифом, он умирает.

Последнее свое письмо Валентин адресовал младшему брату Дмитрию. Диму в семье любили, он был музыкален, хорошо танцевал и пел, рисовал. После кадетского корпуса поступил в Москве в юнкерское училище, готовившее по ускоренной программе офицеров для фронта. Отправке на фронт помешала революция, которую Дмитрий не принял. Посчитав, что его долг — быть верным присяге, пошел в Белую армию, к генералу Деникину. Участвовал в создании танковых подразделений, в 1918 году он уже полковник. В Воронеже был в 1919 году с войсками Мамонтова. Затем — эмиграция. Расписывал церкви в Сербии, сорвался с пелов и погиб.

Такое впечатление, что некий безжалостный снайпер выцеливал братьев Яковлевых на их тернистом жизненном пути — и не допускал промаха. Впрочем, снайпер этот, похоже, знал в лицо не только братьев: Александра Яковлева, красавица-шатенка с вьющимися волосами, добровольно ушла на фронт и умерла там от заражения крови в 1915 году...

Младшая сестра Александры Мария (в замужестве — Маслова) училась у художника Александра Александровича Бучкури. Подавал надежды как художник и ее юный племянник Алик (Александр) Немейко, его хвалил Бучкури, ставил его работы в пример своим студентам. Зимой, катаясь на лыжах, Алик упал, повредил спину. Заболел костным туберкулезом и умер в Москве, где находился на лечении.

Трудные, драматические судьбы, но ведь плоть от плоти русские, честные, непритуманные. И воскрешает их автор повести не для того, чтобы выдавить из нас слезу. Просто он понимает, что без таких судеб не понять Россию, — ни оставшуюся в прошлом, ни нынешнюю, ни будущую.

Современность представлена в книге несколькими именами, одно из которых уже было названо. Людмила Петрушевская, известный драматург и прозаик, — правнучка Феофана, родного брата Александра Александровича Яковлева. В ее книге «Никому не нужна свобода» есть глава «Яковлевы» — о родословной. У Петрушевской сохранилась картина Валентина Яковлева «Амур и Психея», оставившая в ее памяти глубокую отметину: «Я под ней выросла...» На той же

родовой ветви — народный артист РСФСР Сергей Сергеевич Яковлев, внебрачный сын и.о. наркома внешней торговли С.К. Судьина и Марии Феофановны Яковлевой. Судьин в 1938 году был расстрелян как враг народа, и жизнь его сыну была суждена отнюдь не сахарная. Из десятого класса Сергей Яковлев ушел на войну. После войны, живя впроголодь, трудился в театре рабочим сцены, окончил ГИТИС. В его творческой биографии — 81 кинороль, в том числе в таких заметных фильмах, как «Коммунист», «Восхождение», «Тени исчезают в полдень».

Нельзя не назвать и еще одно имя. Валентин Глебович Фролов — тот самый архитектор, который подбил своего знакомого журналиста написать о роде Яковлевых. Профессор, лауреат Государственной премии

РСФСР, один из «отцов» сказочно-красивого здания Воронежского театра кукол «Шут». Глубоко чтит свой род: «Меня ведь назвали в честь прадеда, художника Валентина Александровича Яковлева...»

Такая вот получается «мозаика». Или — картина? Если говорить не о моих беглых заметках, а о повести Виктора Силина, то это именно художественное полотно, написанное редкими, но уверенными и точными мазками. Портрет семьи. Изображены на нем не мифологические герои, а обычные русские люди. Имена у них громкие и не очень, разные судьбы — и счастливые, и горькие, даже трагические. А род один. И Родина одна. И все это уместилось в одной небольшой книге. Хорошо изданной, умело и с любовью иллюстрированной. Найдите, откройте ее...